

ОТНЫНЕ МЫ БРАТЬЯ...

О «параллельных мирах» и «многоякости людей»
в прозе Геннадия Дорогова

Прочитав две книги Геннадия Дорогова, стало понятно, что на сибирском литературном горизонте появился незаурядный автор.

Прежде всего привлекли рассказы «Обезьянка» и «Пушистый хвост белки».

Не говоря о неожиданности развязки, – как, впрочем, во всех произведениях Дорогова, – обращает внимание и мнимая неожиданность «мягких» «ребячливых» названий, после которых неспешно разворачивается всё более суровый и тоже совершенно непредсказуемый клубок человеческих судеб, поступков и мотивов, обуславливающих людские решения и действия.

Кто бы предсказал, что за «полуигрушечной» завязкой – выигрыш в тире мягкой игрушки-обезьянки – последует беспощадный узел рока, связывающий безумной любовью женщину-киллера и простодушного мягкосердечного её партнёра, который полностью попадает под её чары.

После ряда перипетий жестокая фабула толкает его на то, чтобы навести правосудие на следы подруги, всё ещё не вполне веря в её преступность, и всё ещё не переставая её любить, а она, узнав об этом, тоже любя, уже почти прощает «предательство», как она расценила поступок своего партнёра, но, если уж придётся, то хладнокровно его убьёт. И всё это – так и не перестав любить...

Такие психологические узлы самое удивительное и привлекательное в творчестве Дорогова.

Наиболее выразительно подчеркивает духовное кредо писателя его третья книга «Отныне мы братья», названная по одноимённой напечатанной в ней повести.

Читатель! Представьте себе на миг, что мы живём, оказывается, в двух параллельных мирах. И в каждом из них есть хорошие и дурные люди. Не *абсолютно* хорошие и не *абсолютно* плохие, как в былом привычном для нас чтive из школьных программ, где герои чётко делятся на положительных и отрицательных, и, стало быть, весь мир также чётко делится на чёрно-белый.

Так в «Отныне мы братья» – трогательная ребяческая дружба девчужки и двух мальчишек Алексея и Игоря. Годы идут, у каждого свой характер, начинается соперничество меж героями за внимание Мариши: состязание во всём, вплоть до того, кто храбрее и выносливее в походе на Небесные Зубья. Честолюбивый Игорь провоцирует ситуацию, когда оба на волосок от гибели, но Алексей Игоря спасает.

И сказаны тогда заветные слова: «*Отныне мы братья*». Это и есть жизненный девиз, связывающий чистосердечных, так называемых *хороших*, но весьма многояких людей – не ангелов, просто людей, со всем добром и недобром, что кроется в каждом. Но в упомянутых выше «параллельных мирах» на пути каждого их обитателя встречается свой оселок, выявляющий основную суть каждого.

Так Игорь, узнав о том, что Алексея убили «хозяева жизни», из тех, что ездят на больших иномарках, и знающий наперёд, что махровые бандиты выйдут сухими из воды, решает сам расстрелять их прямо в зале суда, мстя за смерть друга – ведь сказано было: «Отныне мы братья».

И связывается этот честный, кристально верный дружбе человек с истинными представителями второго параллельного мира, где тоже есть как будто бы свои «хорошие» и свои «плохие». И вот «хороший» Бердыш (кличка), сочувствуя Игорю и его решению свершить самосуд над убийцами в зале суда, обещает достать ему пистолет.

Удивительно, но автору повести веришь до самого конца – что Бердыш Игорю действительно сочувствует!

Но что же выясняется? У Бердыша имеется свой счёт к шуке покрупнее, некоему Парамонову, что покровительствует и выгораживает на суде убийц Алексея. Парамонов с его бандой мешает банде Бердыша, который только и мечтает, как убрать конкурента. Сочувствие к Игорю, как чёрно-белый жгут, туго перевито с ненавистью к Парамонову. Он даст Игорю пистолет, но расстреливая убийц Алексея, Игорь должен застрелить заодно и Парамонова в том же зале суда. На вопрос товарищей, не жалко ли ему Игоря, ведь расстрел убийц Алексея можно объяснить аффектом, мстью за смерть друга, а расстрел Парамонова – ничем не оправданное убийство, так что доведись до суда, так неужели же не жалко парня?

И тут звучит второй девиз того, другого, параллельного мира: «жалко у пчёлки!»).

В случае Игоря – «отныне мы братья». И, стало быть, я пожертвую своей жизнью, чтобы наказать твоих убийц.

В случае Бердыша и иже с ним – что значит жалко - не жалко? «Жалко – у пчёлки!». Конечно, Игорь достоин уважения за верность в дружбе и за отважное решение, но лично для Бердыша он первое всего, только лишь оружие устранения личного врага.

Наряду с вкратце упомянутой коллизией, мы встречаем в повести мастерски описанную «атмосферу правосудия»: адвоката-виртуоза Пасхалина, для которого процесс – всего лишь партия в шахматы, ему платят – он обязан партию выиграть. Причём ему глубоко безразлично, прав или виновен подсудимый, которого он защищает.

Не менее колоритно описана прокурор Галетова – она обязана обвинять, и она обвиняет. Не потому, что убеждена в вине подсудимого, а потому что отравлена страхом не угодить лицам куда как высоко стоящим, тесно связанным невидимыми нитями с преступным миром, обитатели которого попросту убьют любого, кого «закажут» хозяева.

Таковы же и свидетели, что противоречат своим же показаниям, потому что боятся «не угодить», а, стало быть, – погибнуть.

И всё это, ещё один, третий параллельный мир, где нет чёрно-белых героев, а есть запуганные люди, вершащие несправедливое правосудие, причём внутренне сознающие свою неправоту.

Автору постоянно удаётся ввергнуть своих героев в экстремальные ситуации, где совесть (*со-ведать*, значит, сочувствовать, *со-знавать*, то есть знать позицию обвиняемого) и закон отнюдь не всегда идут рука об руку, потому что совесть – это из категории божеской, от десяти заповедей, мудрее коих ещё никто ничего не придумал. А закон – придуманное людьми понятие, призванное обуздать злое начало, что изначально кроется в каждом и без чего все всех давно бы передумали...

...И маятся следователь, поставленный перед выбором между законом и совестью, и стонет его человеческая душа – потому что речь идёт о беде, коснувшейся невинного ребёнка – но это уже в другой повести.

Завидую читателю, которому ещё только предстоит прочесть эту книгу Геннадия Дорогова, и неизбежно задуматься о множестве так называемых побочных обстоятельств, подбрасываемых жизнью при решении кардинального вопроса: всегда ли тождественен суд по закону и суд по человеческой совести.

*Мэри Кушникова,
член Союза российских писателей,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации
17 августа 2009г.*